

Павел Долохов

СНЕГ В ТЕХАСЕ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ПОЧЕРК СУДЬБЫ

Предисловие

Когда читаешь художественные произведения о великих писателях, часто испытываешь чувство неловкости, поскольку дар пишущего несопоставим с его героями и упрощает их, порой превращая в пародию. «Пушкин потребовал водки и выпил, не закусывая». Конечно, бывают исключения, когда дарование автора равномошно или по крайней мере созвучно его героям, – «Кюхля» и «Пушкин» Ю. Тынянова, «Алмазный мой венец» В. Катаева, «Таинственная страсть» В. Аксенова, «Лето в Бадене» Л. Цыпкина...

Проза Павла Долохова, вошедшая в эту книгу, в основном посвящена писателям и их окружению. М. Цветаева и С. Эфрон, В. Набоков и А. Солженицын, Л. Арагон и Э. Триоле, Ю. Олеша, Э. Багрицкий и И. Эренбург... И множество других исторических и полуисторических фигур.

Надо же, замахнулся! – хочется съязвить над не слишком известным автором. Но удивительно: чувства неловкости не возникает. Эта проза держит читателя в постоянном напряжении и оставляет сильное послечувствие. Чем она берет – загадка! Никаких стилевых изысков и претензий – простой, даже чуть суховатый рассказ с максимумом происшествий и минимумом

отступлений и медитаций. Существенно, что это роман и рассказы «с ключом»: знаменитые и легко угадываемые персонажи не названы прямо по имени, а скрыты псевдонимами, вполне прозрачными для тех, кто хоть немного в теме. Как ни условен этот «ключ», он позволяет автору свободнее обращаться с биографической канвой, обобщать жизненные ситуации в самом сюжете, не прибегая к рассуждениям. Именно через туго закрученный сюжет, с острыми поворотами и трагическими перипетиями, Долохов добивается такого удивительного эффекта. Перед нами великие писатели, превращенные в персонажей какого-то надличного действия, романов и рассказов, творимых судьбой. П. Долохов ни в коей мере не пытается, как автор, «соперничать» со своими героями или имитировать их стиль, их мироощущение, – но через его повествование проходит прописными буквами непреклонный почерк самой истории.

Причем один и тот же ключ в руках Долохова открывает сразу несколько замков, что придает всей его прозе черты интеллектуально-исторической загадки, своего рода квиса. Например, в коротком рассказе «Поэтесса Невзорова» действует несколько персонажей, которые ведут к разным историческим и вымышленным фигурам. Невзорова – это «людоедка Эллочка» из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и одновременно поэтесса Лидия Некрасова, на тексты которой писали песни Исаак Дунаевский и Александр Долуханян; а также отчасти Анна Ахматова, стоявшая в тюремных очередях. Вася Лохницкий – это Васисуалий Лоханкин из того же романа; Борис Пастернак, учившийся в Марбурге, и вместе с тем Осип Мандельштам, который написал о Сталине самоубийственные стихи. Классик – это, конечно, Бунин, хотя в нем мелькает и черточка Куприна, а Валя Кашин – это Ва-

лентин Катаев. В отличие от катаевского романа «с ключом» «Алмазный мой венец», где все прозвища строго однозначны, как в аллегории (Командор – Маяковский, Королевич – Есенин и т. д.), Долохов скорее прибегает к многозначной аллюзии, сплетая и расплетая в одном персонаже судьбы разных людей. Проза Долохова – это не только квиз, но и своеобразный квест, полный интеллектуально-биографических загадок и предполагающий активную роль читателя как исследователя, воссоздающего историческую фабулу по ее преломлению в художественном сюжете.

Можно догадываться, почему именно археологу, привыкшему рассматривать артефакты в большом временном масштабе, как слежавшиеся пласты столетий и тысячелетий, удалось в такой степени почувствовать авторство судьбы, вторгающейся в жизнь великих авторов, – причем без всяких черновиков, в форме непоправимого беловика-приговора. Можно оценить и смысловое смещение в перемене фамилии археолога Долуханова на писателя Долохова – сразу вспоминается толстовский персонаж, брeтер и фаталист, который именно так, быстрым росчерком, без особых раздумий, подписывал свой договор с судьбой. Если пушкинские знаменитые повести доверены мягкому, наивному, простодушному Белкину, то эта проза, посвятому столь же прямодушная и бесхитростная, глагольно-событийная, заслуживает другой подставной фигуры – резкого, отрывистого, загульного и вместе с тем ироничного и размашистого Долохова.

П. Долохов потому и выбирает в свои герои своевольных творцов, что на таком благородном фабульном материале легче продемонстрировать непреклонный авторский почерк самой

судьбы. К тому же почти все герои Долохова живут на чужбине – это русские, рассеянные по миру, от Японии до Техаса, от Парижа до Монрё. Тонкий рисунок судьбы очерчивается яснее вокруг одинокой, социально отчужденной личности, пересекаясь, но не смешиваясь с большими судьбами страны и народа.

Сама простота этой прозы делает еще более загадочным эффект ее воздействия, который трудно объяснить иначе, как наличием катарсиса, который Аристотель, как известно, считал главным условием трагедии: сочетание страха перед судьбой и сострадания ее жертвам. Того и другого вполне хватает в этой книге, а достигается ли этим эффект очищения – судить читателю.

Андрей Безухов

«ЛЮБЛЮ, ЦЕЛЮЮ, ВСЕ ХОРОШО»

Маленький роман

1

Марк Спенсер Макклюр, родился в г. Бирмингем, штат Алабама, США, 6 марта 1975 года. Место постоянного проживания: Крайс-Колледж, Оксфорд, Англия.

Последние две недели августа Марк Макклюр ездил в Болшево почти каждый день, как на работу. Рано утром, наскоро перекусив, выходил из гостиницы. Добирался в метрошной сутолоке до станции «Комсомольская». Входил под по-азиатски гулкие арки Ярославского вокзала. Кто-то из московских друзей надоумил его приобрести сезонную карточку, и Марк, минуя толчею кассового зала, шел прямо на платформу с надписью «На Монино». Книжечка с расписанием у него была всегда при себе, но Марк в нее не смотрел. Расписание он помнил наизусть. Утром поезда отходили каждые несколько минут: 8.13, 8.15, 8.25... Марк выжидал тот, где было поменьше народу, протискивался в узкие двери, забивался в дальний угол. Усевшись на жесткую скамью, вынимал из портфеля ноутбук и начинал быстро перебирать клавиши своими длинными пальцами.

Марк Макклюр был молод (ему недавно исполнилось тридцать, но выглядел он лет на пять моложе), высок,

широкоплеч и светловолос. Его портили круглые очки в металлической оправе, да и одет он был для Москвы странновато: на нем был огромный, казалось с чужого плеча, холщовый пиджак и сильно поношенные белые брюки с карманами на коленях.

В Москве Марк был уже два месяца. Привел его сюда неистребимый англо-саксонский энтузиазм и бескорыстное служение истине. Все началось в Оксфорде, куда новоиспеченный доктор философии прибыл из захолустной Алабамы, выиграв престижный грант по новой русской истории в Оксфордском университете. Научный его руководитель Василий Васильевич Скобельцын умело сочетал седую бороду лопатой и московский говорок с хорошо разыгранной придурковатостью оксфордского «дона». Сидел Василий Васильевич на полу своего кабинета, со всех сторон обложенный бумагами и книгами с разноцветными закладками. В стрельчатое окно стучался унылый английский дождь.

Именно тогда Василий Васильевич, не спеша выбивая содержимое огромной пенковой трубки в кружку с рельефным изображением Московского Кремля, и предложил Марку заняться делом Григория Леви.

– Дело это, голубчик, путаное, но на редкость завлекательное. Немало народу на нем зубы поломало, да и глупостей понаписано, не приведи Господь... Все забудьте, начните с чистого листа. У вас получится, у меня предчувствие. А для начала вот, одни фактики...

Порывшись в бумагах на полке, Василий Васильевич извлек тоненькую папку синего цвета, протянул Марку:

– Ознакомьтесь да заходите через недельку. Чайку попьем, покалякаем.

Папку эту Марк пролистал в тот же вечер в уютной холодной комнате университетского общежития. Поначалу не нашел он в ней ровно ничего нового. Широко известная и растиражированная в сотне околонуточных публикаций история энкаведешной шпионской сети в предвоенной Франции и трагической гибели Ольги Широковой, крупнейшей и талантливейшей поэтессы русского зарубежья. В папке лежали пожелтевшие от времени вырезки из газет, отрывки из мемуаров. Тексты были испещрены восклицательными и вопросительными знаками, отдельные фразы подчеркнуты, на полях стояли сделанные зелеными чернилами пометы типа «Ха!», «Да ну?», «А ты видел?». Обратные стороны листов были исписаны от руки. Вооружившись лупой и проведя несложную графологическую экспертизу, Марк установил, что писавших было по крайней мере двое. Один из них был, видимо, сам Василий Васильевич. Его текст был размашисто нацарапан зелеными выцветшими чернилами, перьевой ручкой, той же, что и пометы на лицевой стороне. Второй текст написал кто-то другой, тонкой шариковой ручкой, ровными буквами с наклоном в правую сторону.

Марк включил компьютер, не спеша сканировал с обеих сторон все бумаги, лежавшие в папке. Потом долго рассматривал то, что получилось, под сильным увеличением. Что-то записал для памяти в рабочий блокнот.

На следующий день Марк позвонил Василию Васильевичу.

– Я решил взяться за эту тему. Я даже придумал название: «Григорий Леви: последние годы».

– Вот и лады, – отозвалось в трубке. – Заходите вечером. Обсудим план действий.

Следующие два месяца Марк Макклюр провел в Париже. Остановился он в маленькой гостинице на улочке Ля-Сурдьер, в самом центре, недалеко от Оперы. Была поздняя зима, с трудом переходившая в весну. Солнечные и уже почти по-летнему теплые дни сменялись затяжными дождями с ветром. По утрам с Сены поднимался липкий туман.

Посещение парижской Тургеневской библиотеки было почти безрезультатным. После настоятельных просьб и демонстрации витиеватого письма, написанного Василием Васильевичем, Марка допустили в архив. Папка, на которой значилось «Ольга Широкова. 1922–1938», содержала всего несколько листков. Это были рукописные тексты нескольких последних стихотворений и наброски к ненаписанной пьесе о Пушкине. Все это было давно опубликовано и широко известно.

– И это все? – вырвалось у Марка. – А где же остальной архив? В нем было не меньше двухсот листов...

Библиотекарша, Наталия Семеновна Липшиц, работала в библиотеке всего несколько лет. До того она была экскурсоводом в Петербурге, в Пушкинском музее на Мойке. Ее взяли по конкурсу, после смерти старейшей сотрудницы Антонины Ивановны Бранденбург, проработавшей в библиотеке больше пятидесяти лет.

Наталия Семеновна повела Марка к картотеке, выдвинула ящичек на букву «Ш». В разделе «Широкова» значилось 205 документов. На последней карточке размашистым почерком было написано: «Архив взят для перевоза на хранение в Амстердам 3 сентября 1939 года». Подпись не читалась. Марк аккуратно сфотографировал карточку цифровой камерой.

Следующим по плану у Марка значилось посещение Префектуры полиции. Площадь перед собором Нотр-Дам была запаружена машинами с мигалками, которые сновали по всем направлениям без видимой системы. Пройдя вдоль стены, Марк вошел в огромное старинное здание. Пожилой сержант в стеклянной будке был холодно любезен.

– Ваши документы, месье. Сожалею, но директор департамента по связям с прессой сегодня вас принять не сможет.

– Но у меня есть договоренность...

– Сожалею, месье. Директора департамента срочно вызвал министр...

Приняли Марка лишь на третий день. Сидя за огромным письменным столом красного дерева с бронзовыми инкрустациями, начальник лениво перебирал бумаги, которые разложил перед ним Марк.

– 1937 год... Подумать только... Меня еще и на свете не было...

Марк сочувственно хмыкнул.

– Надо запрашивать архив. А начальник архива как раз в отпуске. Но что-нибудь придумаем... Позвоните по этому телефону через неделю...

Через неделю Марк был опять в вестибюле Парижской префектуры. Сержант – на этот раз это был молодой африканец, – взглянув на водительские права Марка, белозубо улыбнулся.

– Вам пакет, месье, – и протянул Марку большой голубой конверт.

Марк вскрыл конверт у себя в комнате в гостинице. На стол высыпались ксерокопии машинописного текста. К первой странице была прикреплена карточка:

«С наилучшими пожеланиями...

Директор департамента по связям с прессой...»

Марк зажиг настольную лампу – день был сумрачный, в открытое окно, через занавеску, струился тусклый свет – и погрузился в чтение. Присланные ему документы были копии протоколов допросов, учиненных Ольге Леви (урожденной Широкофф) в Парижской префектуре 22 сентября 1937 года. Краткое резюме этих допросов имелось в папке Василия Васильевича. Но эти протоколы были куда подробнее. Стенограф сумел записать каждое слово. Марку показалось, что он сам сидит в маленькой, жарко натопленной комнатке с занавешенными окнами и, не отрываясь, смотрит на маленькую седую женщину с большими голубыми глазами...

...Следователя он не видит – тот сидит спиной к нему, но Марк его легко представил – маленький, лет сорока, в поношенном пиджачке, лицо невыразительное, тонкие усики над верхней губой. А в углу комнаты, за другим столом сидит человек в синей полицейской форме. Это стенограф, он непрерывно пишет, покрывает страницу за страницей крючками и закорючками.

Голос у Ольги низкий и сипловатый. Говорит она по-французски бегло, но, как все русские, твердо произносит букву «р» и не всегда делает льезоны* между согласной и гласной.

– Меня зовут Широкова, Ольга Широкова, по мужу Леви, родилась в России, в Москве 31 июля 1889 года.

---

* Льезон, связывание (фр. Liaison – связь, соединение) – во французском языке произношение произносимой согласной буквы на конце слова, когда следующее слово начинается с гласной буквы.

Я постоянно проживаю в Ванве, департамент Сена, в доме 65 по улице Потэна. Моя семья – это я, мой сын Вадим... он родился в Москве 10 января 1918 года... он учится в лицее... и мой муж – Григорий Леви. Он родился в Москве 1 августа 1888 года. Мы бежали из России в 1918 году. Во Франции с 1922 года. Я поэт и эссеист. Мои стихи и прозу часто печатают в русских газетах и журналах. Муж – журналист. В 1927 году он был редактором журнала «Евразия». Несколько лет назад он и несколько его друзей основали Союз возвращения, они призывают русских эмигрантов вернуться в Россию. У них есть помещение на улице де Бюсси. Я политикой не интересуюсь и взглядов мужа не разделяю. Последний год мы с мужем виделись редко, не чаще чем несколько дней в месяц. Он не говорил, куда уезжает... говорил «по делам»... Последний раз я видела мужа у нас дома в Ванве 1 сентября. Он сказал, что уезжает в Испанию, что он будет сражаться на стороне республиканцев. Больше я его не видела и писем от него не получала. Нет, я никогда не слышала имени Рената Шнайдер. Женщину на этой фотографии я никогда не видела. А это Николай Кондратьев, фотограф. Он часто увеличивал фотографии для мужа. Нет, мой муж не мог быть замешан в убийстве человека с польской фамилией. Я об этом читала в газетах. Мой муж и я, мы не приемлем, не допускаем насилие. Для нас жизнь – священна...

Вопросы часто повторялись – видимо, для проверки следователь задавал их опять и опять в разном порядке. Под конец допроса Ольга явно утомилась, речь ее стала невнятной, она с трудом подбирала французские слова.

Допрос продолжался ровно час.

– Благодарю вас, мадам. На этот раз – это все. Возможно, мы вас пригласим опять...

И добавил:

– Потрудитесь подождать несколько минут в соседнем помещении, пока мой секретарь перепечатает протокол...

– Распишитесь на каждой странице и поставьте число.

Благодарю вас, мадам...

...Марк смотрит на план Парижа. Ванв... Южнее Периферийного бульвара. «Красный пояс» Парижа, здесь всегда голосовали за коммунистов. И названия соответственные: проспект Мира, Сталинградский бульвар... А вот и улица Жан-Батиста Потэна. Номер 65 на углу авеню Генерала де Голя. Как же туда добраться? На метро до мэрии Исси, а оттуда пешком по запутанным улочкам. Километра два, не меньше. Марк махнул рукой и заказал такси. Университет не обеднеет...

Машина стояла перед гостиницей.

– Мне нужно в Ванв. Вы знаете, где это?

Шофер кивнул. Ехали долго. Утреннее движение было хаотичным, пробки возникали почти на каждом перекрестке.

Марк заметил маленькую иконку на ветровом стекле и спросил у водителя:

– Вы русский?

Водитель не расслышал, и Марк повторил свой вопрос.

Водитель кивнул:

– Да, я русский.

Марку показалось, что водитель это сказал с легким акцентом.

– Давно из России?

Водитель ответил через несколько минут – они пересекали Периферийный бульвар.

- Последний раз был в прошлом году.
- Понравилось?

Водитель решительно покачал головой:

- Нет! Это не мое.

Марк повнимательнее взглянул на лицо водителя, отражавшееся в зеркале заднего вида. На вид ему было лет пятьдесят. Прямые, зачесанные назад волосы, чуть тронутые сединой. Водитель показал рукой в сторону:

- Вот моя родина – Исси-ле-Мулино...

Марк оживился.

- Тогда вы должны знать Ванв. Это совсем близко.
- Какая улица?
- Жан-Батиста Потэна.
- Номер дома?
- Шестьдесят пять.
- Я знаю этот дом. Угловой. Там до войны жили русские. Дома там были дешевле, чем в Париже.

Они въехали в Ванв. Вдоль улиц виднелись стандартной постройки серые двух- и трехэтажные дома с окнами, наглухо закрытыми ставнями. А вот и авеню Генерала де Голля. Чуть просторнее, чем остальные.

Водитель остановил машину.

- Приехали. Ваш дом.

Марк вышел из машины. Перед ним стоял дом серого камня, кажется, самый старый в округе. Дом был двухэтажный, с мансардой и покатой крышей. Одна из стен была увита плющом.

- Вы надолго? – спросил шофер.

Марк покачал головой:

- Думаю, что нет.
- Я вас подожду...

Марк подошел к дубовой двери и нажал на кнопку звонка.

Через минуту дверь открылась. В проеме стояла женщина лет тридцати.

– Месье?

Марк с трудом подбирал слова...

– Извините, мадам... Я из Америки...

Женщина приветливо улыбнулась.

– Месье по поводу покупки дома?

Марк испуганно затряс головой.

– Нет, мадам, нет. Я историк. Я собираю сведения о тех, кто жил в этом доме. До войны...

Улыбка быстро сошла с лица женщины.

– Извините, месье. Ничем не могу помочь. Я сама здесь недавно. Извините, месье, у меня дела.

Марк почувствовал, что кто-то взял его за плечо. Это был шофер.

– Вы позволите?

Шофер быстро заговорил с женщиной на том французском языке, который Марк почти не понимал. До него долетали лишь отдельные слова. Женщина оживилась и отвечала водителю на том же диалекте. Марку показалось, что он несколько раз услышал слова «тант* Жюли». Шофер повернулся к Марку, толкнул дубовую дверь и решительно сказал ему:

– Пошли!

Они поднимались по скрипучей деревянной лестнице. Где-то здесь была квартирка Ольги. Как она радовалась, когда они приехали сюда из Медона! «Представляете,

---

* Тант (фр. Tante) – тетя.

у меня две комнаты и два окна с чудесным видом на старинный парк! Не надо больше писать на кухонном столе!..»

Но они прошли мимо квартиры и поднялись на самый верх, в мансарду. Шофер толкнул дверь. В комнате было темно. Когда глаза Марка привыкли к темноте, он увидел, что в кресле у самого окна сидит очень старая женщина. Шофер подошел к ней вплотную и сказал ей в самое ухо:

– Тетя Жюли, ты меня узнаешь?

Марку показалась, что по лицу женщины прошла легкая улыбка. Она ощукала сморщенной рукой лицо шофера.

– Это ты, Серж? Я знала, что ты придешь. Я ждала тебя.

Потом они сидели за столом темного дерева, пили ароматный чай из больших кружек, и шофер с женщиной о чем-то болтали на своем птичьем языке. Марку показалось, что он различил слова «ле рюсс». Шофер повернулся к Марку:

– Как звали тех людей, которых вы ищите?

Марк быстро ответил:

– Грегуар и Ольга Леви.

Рука старухи как-то странно дернулась. Она заговорила очень быстро и взволнованно. Марк не понял ни слова.

Шофер тоже посерьезнел.

– У вас есть какие-нибудь документы? Покажите их мне. Тетя Жюли опасается, что вы из полиции.

Марк протянул шоферу кучу бумаг:

– Вот, посмотрите. Я историк из Америки. С полицией никак не связан.

Шофер вернул документы Марку.

– Допустим, что вы не врете...

Тетя Жюли что-то тихо сказала шоферу.

– Она хочет взять вас за руку.

Марк наклонился к креслу. Сморщенная рука старухи была на удивление теплой. Она сжала руку Марка.

– Она говорит, что она вам верит.

Дальше произошло удивительное. По указанию старухи шофер оттащил ее кресло в угол комнаты и протянул ей суковатую палку. Старуха что-то прошептала и ударила палкой по планке паркета. Планка бесшумно отъехала в сторону, и в полу образовалась четырехугольная дыра. Старуха что-то сказала шоферу и указала пальцем в сторону дыры. Шофер наклонился и по локоть опустил в дыру руку. Через минуту он вытащил на поверхность какой-то предмет, который оказался пыльным кожаным портфелем с латунными замками. Старуха знаком показала, чтобы шофер передал портфель Марку. Тот положил портфель на стол и попытался открыть замки. Они поддались без труда.

На стол вывалился толстый фолиант и несколько конвертов. Марк вопросительно посмотрел на старуху.

– Что это такое?

Старуха помолчала, видимо, собираясь с мыслями. Потом стала говорить. Говорить ей было все труднее. Несколько раз она у нее начинались приступы кашля, и тогда шофер протягивал ей чашку с темноватого цвета жидкостью. Отдышавшись, она продолжала говорить, правда, все тише.

В изложении шофера ее рассказ звучал так.

– Это было давно, до войны... Когда у нас в доме поселились русские, мне было двенадцать лет. Им сдали комнаты на нижних этажах, а мы сами перебрались в мансарду. Русских было трое: месье Грегуар, мадам Ольга и их

сын, мальчик (его имени старуха не помнила). Они были добрые, но очень бедные люди. Несколько раз они задерживали месячную плату и очень извинялись, но каждый раз отдавали все, до последнего су. Месье Грегуар часто уезжал, и мадам оставалась одна с сыном. У нее были очень грустные глаза.

А потом у них произошли какие-то неприятности. Месье Грегуар появился как-то рано утром, очень взволнованный. Я была одна в мансарде, родители уже ушли на работу. Через закрытую дверь я слышала, что месье о чем-то долго говорил. Мадам его не перебивала, потом она заплакала, а месье даже не попытался ее утешить. Дверь открылась, месье вышел на лестницу и увидел меня. Он пригласил меня к себе в комнату и стал говорить со мной, медленно произнося слова, как говорят с совсем маленькими:

– Слушай, Жюли, я должен тебе сказать что-то очень важное. Ты знаешь в доме такое место, где ты могла бы спрятать одну важную вещь, да так, чтобы кроме тебя никто не смог бы ее отыскать?

Я кивнула. Дом этот старый, и в нем есть тайники, и некоторые я нашла сама, но о них никому не рассказала.

А месье Грегуар продолжал:

– Я тебя попрошу там спрятать это, – и он протянул этот портфель.

И еще сказал:

– Много лет спустя придет человек и попросит у тебя этот портфель. Я тебе не скажу, кто это будет. Ты его узнаешь сама... А до того не отдавай портфель никому. Особенно полицейским. Ты ведь не любишь полицейских?

Я покачала головой. А месье продолжал:

– И вот еще, Жюли. К тебе будут несколько раз приходить и приносить письма в желтых конвертах. Клади их в этот портфель и тоже не показывай никому...

А потом протянул толстый конверт:

– А это для тебя, Жюли. Спрячь это в другом месте. Это тебе на приданое.

В конверте были деньги. Много денег.

– Нет, месье, приданое мне не понадобилось. Замуж я не вышла. А деньги разошлись во время войны.

Старуха опять закашлялась, и шофер протянул ей микстуру. Чувствовалось, что старуха очень устала.

– Месье уехал в то же утро, а мадам с сыном через неделю. Я их больше никогда не видела. А еще через неделю пришли полицейские и перевернули весь дом, простучали потолки и стены. Тайник они не нашли... Три раза приезжала дама и привозила желтые конверты. Я их прятала в портфель. Нет, до вас портфель не видел никто. Я сразу поняла, что его нужно отдать вам. А впрочем, я все равно скоро умру... Как выглядела эта дама? Очень высокая, с прямой спиной, у нее были седые волосы, орлиный нос и пронзительные холодные глаза. Когда она уходила, я смотрела в окно. Ее ждал большой автомобиль с шофером...

Когда они сели в машину, шофер протянул Марку свою визитку:

– Будем знакомы. Меня зовут Платонов, Сергей Викторович. Здесь мой адрес и телефон. Очень рад быть полезным...

Марк долго тряс его руку.

– Не знаю, как вас благодарить, Сергей. Без вас я бы пропал... На этой карточке все мои адреса. Удобнее всего по электронной почте. У вас есть электронный адрес?

– Есть. Держите меня в курсе.

Машина отъехала от гостиницы и исчезла за поворотом, и только тогда Марк вспомнил, что он забыл расплатиться.

...Марк вошел в гостиницу, была уже ночь. Заспанный портье молча кивнул и протянул Марку ключ. Марк поднялся по узенькой лестнице на второй этаж, прошел по темному коридору, открыл дверь своей комнаты, зажег свет. Он опустил жалюзи на окне и плотно затянул шторы. Затем достал из рюкзака портфель и вывалил содержимое на стол.

Фолиант оказался написанным от руки философско-историческим трактатом. На первой странице было написано крупными буквами: «Евразия. Исторические судьбы восточнославянской народности». Там было не меньше двухсот страниц, с цветными картами и схемами. Марк перелистал том, но читать не стал, отложил в сторону.

Он аккуратно открыл конверты. Их было три. Каждый содержал машинописный текст, распечатанный под копирку. Листки были пронумерованы. Марк разложил их по порядку.

В правом углу каждого листка было напечатано: «Шифрограмма. Совершенно секретно».

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА